

ЛИТЕРАТУРА

УДК 821.161.1.0

Новикова А.А.

Уссурийский государственный педагогический институт

О СТАНОВЛЕНИИ «ЧЕХОВСКОЙ АРТЕЛИ» В ОЦЕНКАХ ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ КРИТИКИ (К ИСТОРИИ ПОСТАНОВКИ ВОПРОСА)*

A. Novikova

Ussuriysk State Pedagogical University

ON FORMATION OF LITERARY SCHOOL OF CHEKHOVIAN TIME IN EVALUATIONS OF PREREVOLUTIONARY CRITICISM (TO HISTORY OF STATEMENT OF A QUESTION)

Аннотация. В статье раскрывается вопрос о состоянии русской литературы рубежа XIX-XX веков, месте А.П. Чехова и писателей-беллетристов в литературном процессе; даны суждения критиков и публицистов о появлении новых литературных талантов, не всегда правильно оценённых критикой, но, тем не менее, составивших ту литературную школу, во главе которой стоял Чехов; высказывается мысль о становлении чеховской «артели», как она была воспринята Михайловским, Меньшиковым и другими критиками конца 1880-1900-х годов.

Ключевые слова: литературный процесс, русские писатели, критики, творчество А.П. Чехова, литературная школа, «артель».

Abstract. The article deals with the question of the Russian literature's state at the turn of the 20th century and A. Chekhov's and fiction writers' place in literary process. The author provides judgments of critics and publicists about occurrence of the new literary talents that were not always correctly estimated by criticism, but, nevertheless, made that literary school led by A. Chekhov. The article is also devoted to the formation of Chekhovian "artel" as it was perceived by Mihaylovsky, Menshikov and other critics of the end of 1880-1900s years.

Key words: literary process, Russian writers, critics, Chekhov's creativity, literary school, "artel".

В 1880-е годы, когда А.П. Чехов выступил со своими первыми произведениями, ведущее положение в русской литературе занял малый жанр. «Современники, критики и писатели, одни раньше, другие позже, соглашаясь и протестуя, констатировали этот факт, – писал В.Я. Гречнев. – Многие из них усматривали здесь влияние моды, пришедшей к нам с Запада. Причём одни отнесли к этой моде весьма сочувственно, полагая, что она соответствует духу времени и потребностям читателей. Другие считали, что эта мода «мало благоприятствует нормальному росту молодых дарований» [2, с. 4].

Творчество беллетристов 80-90-х годов XIX века, представленное, в основном, малыми жанрами (очерки, рассказы, сценки, были, сказки и легенды), нашло непосредственное отра-

---

* © Новикова А.А.

жение в современной им литературной критике. В газетах и журналах появилось обилие критических статей о новом поколении писателей, рассматривались вопросы и общие условия, в которых «находится ныне литература, и не одна литература» (Н. Михайловский), а и вся русская действительность последней трети XIX века. Достаточно назвать таких известных критиков либерального направления, как М.А. Протопопов и его «Письма о литературе» (1891, кн. 9; 1892, кн. 1, 2, 10-12, 19; 1900, кн. 3,4), Л.Е. Оболенский (1894, кн. 3, 8; 1895, кн. 8, 9), М.Н. Розанов (1900, кн. 4), А.М. Скабичевский (1899, кн. 4, 5), ведущих острую полемику на страницах «Русской мысли», и не только по вопросу о причинах «упадка» предшествующей литературы, но и о беллетристах новейшей формации. В этом же журнале публиковали свои статьи журналисты народнического толка – Н.К. Михайловский, Н.В. Шелгунов, С.Н. Южаков, В.А. Гольцев. Известны работы писателей и критиков рубежа веков С.А. Венгерова, В.Л. Кинга (псевдоним – Дедлов), П.Л. Краснова, Д.С. Мережковского и многих других, высказывавших самые противоречивые мысли по поводу творчества Чехова и молодых беллетристов-восьмидесятников и их роли в литературном процессе.

Так, в «Русском богатстве» (1890, № 1) появилась статья Созерцателя (псевдоним критика Л.Е. Оболенского) «Новый поворот в идеях нашей беллетристики», в которой он, рассуждая о «Скучной истории» Чехова, оценил состояние литературы и высказал свою точку зрения об идеалах в литературе и о симптомах общего кризиса. «Литература конца 70-х и начала 80-х годов, – писал он, – была почти совершенно чужда вопросам общих, основных, о цели и смысле жизни вообще. Идеалы были, но это были идеалы прогресса общественного. Они всецело поглощали душу, так что не было места крупным сомнениям ни в самом смысле и цели этого прогресса, ни в средствах, какими можно было достигнуть его» [14, с. 95].

Отметив заслуги передовых писателей старого поколения, которые «приглашали

обратить внимание на то, что нельзя пускаться в дальнюю неизвестную дорогу без компаса, который бы определил основные страны горизонта», Созерцатель выделил и «общие нравственные задачи и вопросы, лежащие в основе всех других вопросов», и «вечные задачи человеческой жизни, и вечные вопросы о смысле и цели жизни вообще». Он считал, что речь «отцов» не была услышана, её было «некогда слушать на перепутье, когда лошади стояли уже около крыльца, а вдалеке впереди ярко рисовалась в воображении станция с надписью «прогресс». Они обращали внимание на эту «станцию человеческой мысли», старались определить скорейшие и ближайшие пути к этой станции, исследуя частные вопросы о том, «какие формы должна иметь эта станция, на каких лошадях и экипажах к ней скорее доедешь» и т. д. Однако, по образному выражению критика, «в конце восьмидесятых годов путешественники не только сидят на том же месте и всё ещё собираются ехать, но сидят они уже без лошадей, без экипажей, без ямщиков, а главное, без всякой надежды и в полном унынии» [14, с. 96].

Его утверждение о том, что беллетристика этой второй эпохи погрузилась всецело в отчаянный и беспросветный пессимизм, апатию, безнадежность и протрацию, без определённых идеалов и целей, тем не менее, полно надежды. Эту надежду даёт, по его мнению, повесть А.П. Чехова «Скучная история», появившаяся как раз в новую эпоху, когда «пессимизм и отчаянная безнадежность конца 80-х годов сменяются мало-помалу призывами – критически разобраться в этом пессимизме» [14, с. 108].

О характерных чертах переживаемого писателями периода рассуждал и Протопопов, вступив в полемику со Скабичевским по поводу его статьи об А.П. Чехове и его повести «Жена», опубликованной в «Северном вестнике» (январь, 1892 г.). Отметив общее настроение в литературе, характерное для данного периода, Протопопов писал: «Повесть г. Чехова тем для наших целей и удобна, что тенденция её широка и, в то же время, фальшива. Это не личная ошибка писателя, не об-

молвка, – это некоторым образом знамение времени: равнодушие, вмняемое в достоинство, отсутствие определённых воззрений, поставляемое мудростью, беспринципность, возводимая в принцип» [8, с. 215].

Высказанные точки зрения с совершенной очевидностью указывают на то, что в рассуждениях критиков явственно ощущается конец одной эпохи в истории русской литературы и начало другой. Наступившая жесточайшая реакция после первоапрельских событий 1881 года наложила характерный отпечаток на всю духовную жизнь России, вызвала кризис идей, волну отчаяния и пессимизма в сознании многих писателей и литературных критиков. Поэтому литература данного периода представляла в истории русского реализма сложный переходный характер, и, как справедливо заметил И.Н. Сухих, «привычные клише последующих историков литературы о времени, которое назовут чеховским, рождаются уже в рамках самой эпохи» [15, с. 21].

Отсутствие определяющей цели «трагически» переживалось целым поколением прогрессивных писателей той поры: В.Г. Короленко, В.М. Гаршиным, П.В. Засодимским, Н.Е. Карониным-Петропавловским, Н.И. Наумовым, А.И. Эртелем и, конечно же, А.П. Чеховым.

Например, в сознании Засодимского заметны были следы разочарования в прежних идеалах и того отчаяния, о чём в письме Ф.Ф. Павленкову от 6 июня 1887 года он сообщал так: «О себе писать нечего. Живу плохо – с думами о будущем, а думы эти невесёлые»¹.

Наибольший интерес вызывают письма Чехова к своим друзьям и знакомым. Так, в письме А.С. Суворину 25 ноября 1892 года он, в частности, заметил, что «наука и техника переживают теперь великое время, для нашего же брата это время рыхлое, кислое, скучное, сами мы кислы и скучны, умеем рождать только гуттаперчивых мальчиков...» [16, с. 133].

Чуть позже Чехов вновь будет сожалеть,

¹ РГАЛИ. Ф. 400. Оп. 1. Ед. хр. 18. Засодимский П.В. Письмо Ф.Ф. Павленкову от 6 июня 1887 г.

что «у позднейшего поколения писателей и художников нет целей в творчестве», что это «явление вполне законное, последовательное и любопытное», но он «никогда не пишет того, что ему не по душе» (П 5, с. 137). Чехов считал, что цели для него необходимы, и он «охотно бы пошёл искать их». «А кто искренно думает, что высшие и отдалённые цели человеку нужны так же мало, как короле, что в этих целях «вся наша беда», тому остаётся кушать, пить, спать или, когда это надоест, разбежаться и хватить лбом об угол сундука» – читаем мы в письме Суворину 3 декабря 1892 года (П 5, с. 138).

Не раз говоря о своей идейной слабости, размышляя об «идейной бескрылости писателей восьмидесятых годов», Чехов «склонен был и самого себя причислять к этой же бесславной когорте». Ему приходилось, по мысли Г.А. Бердникова, «рассчитывать на самого себя», когда «опереться сколько-нибудь серьёзно, как ему казалось, было не на кого» [1, с. 98].

Однако Чехов, раздумывая в этот момент о смысле жизни, оставался, по нашему мнению, сыном своего века, он, как и многие писатели, приходил к убеждению, что необходимо какое-то время, чтобы прийти к определённым выводам и высказать свои суждения о литературе и современниках. В многочисленных письмах Чехова конца 80-х – начале 90-х годов к Короленко, Киселёвой, Суворину, Михайловскому и другим мы находим тому подтверждение.

Одним из тех, кто остро почувствовал перемены в жизни русского общества после разгрома революционного народничества, был публицист Михайловский, заметивший появление новой волны русской интеллигенции, растерявшейся в социально-политической обстановке 80-х годов и утратившей прежние идеалы старшего поколения. Это относилось и к русским писателям, которых критик либо хвалил за несомненную близость к народническим воззрениям (Г. Успенский, М. Салтыков-Щедрин, Н. Златовратский), либо отвергал за неопределённость взглядов (Ф. Достоевский, Н. Лесков и др.).

Не всегда справедливо оценивая художественные достижения прозаиков, Михайловский, тем не менее, в каждом из них предугадывал большой талант. Так случилось и с Чеховым. Он, по нашему мнению, уверенно выделив Чехова из среды новых писателей, признал, что тот пока единственный талантливый беллетрист, что для него существует только действительность, в которой ему «суждено жить», и что «идеалы отцов и дедов над ним бессильны» [11, с. 21].

Заметим, что и Чехов неоднозначно относился к писателям народнического толка: положительно оценивая творчество Н.Н. Златовратского и А.И. Эртеля, он не очень высоко отзывался о рассказах П.В. Засодимского, часто спорил с Г.И. Успенским о задачах и целях русской интеллигенции [6, с. 43-44].

Говоря о когда-то звучавших именах критиков и публицистов конца XIX – начала XX века, мы пытаемся постичь картину ушедшего прошлого. Именно русская литературная критика «давно раздвинула границы литературоведения» и «вышла за пределы своих научных функций, заняла социально-политические позиции, что особенно ощутимо проявилось на рубеже столетий» [9, с. 49]. Отметим также, что газетная пресса 80-90-х годов ставила свои жёсткие, прежде всего идейные, условия писателям, «подчиняла себе их творчество, и далеко не каждый из них мог отстоять свою самостоятельность» [3, с. 91].

Так, В.Л. Кинг в статье «Беседы о литературе» (Книжки «Недели», 1891, № 5), дал оценку не только рассказам Чехова, но и совершенно справедливо, по нашему мнению, охарактеризовал, в отличие от Протопопова, состояние литературы и периодических изданий указанного периода. Вот что он писал по этому поводу: «Старый профессор г-на Чехова чрезвычайно верно судит о современной литературе. Несвобода – это действительно самое главное препятствие к развитию отечественной беллетристики. Профессор мог бы ещё прибавить, что вина ложится не на одних беллетристов. Тот, кто занимался этим

ремеслом в последние десять-пятнадцать лет, может рассказать, что все эти «условности» и «контракты» очень часто против воли авторов навязывались им критикой и редакторами».

Указав на сложность этого времени, на отсутствие каких бы то ни было школ и направлений, он продолжал: «Последние десять-пятнадцать лет были мёртвым временем застывших направлений и окаменевших программ. Не подчиниться им, значило ничего не печатать. Сам Толстой должен был окончание «Анны Карениной» выпустить отдельным изданием, потому что автор, – вернее, некоторые герои романа не сошлись с Катковым во взглядах... на сербский вопрос! Если это случилось с Толстым, можете себе представить, как тяжелы были *контракты* для обыкновенных беллетристов. Один журнал обязывал хвалить молодёжь и хулить старое поколение; другой не допускал на свои страницы ничего против мужика; третий обязывал либеральничать; четвёртый был до того консервативен, что даже прокуроров новых судов требовал изображать в революционном виде» [5, с. 95].

Принципиально важен и другой момент, отмеченный Кингом. В беллетристике, – считал он, – «допускались только две краски: чёрная и белая, и горе было тому беллетристу, который выкрасил бы своих героев в серый цвет. Никто не напечатал бы такой повести. Счастлив был тот, кто мог обойтись без литературного заработка; а кто зависел от него, тому приходилось подписывать *контракты*, терять свободу и отучаться от настоящего творчества. В наши дни заметен поворот к лучшему, хотя только ещё поворот. Недавнее же прошлое со временем даст прелюбопытные анекдоты о направленной цензуре, которые немногим уступят в курьёзности анекдотам о чиновничьей цензуре сороковых годов, когда запрещалось дамские глаза называть небесными, а в поваренных книгах употреблять выражение: вольный дух» (5, с. 96).

Кинг вёл полемику с «эпигонской» критикой Михайловского и Гольцева, поднимал

на «щит» «маленьких» писателей, несправедливо третируемых критикой, а Чехов, с которым Кинг был знаком с 1892 года, был для него примером писателя, сумевшего одержать победу над убогим «направленством» критики, и стал «крупным явлением в нашей литературе».

Однако первым, кто, на наш взгляд, вступился за Чехова-писателя ещё в 1887 году, был критик и публицист, постоянный сотрудник «Вестника Европы» К.К. Арсеньев. В самой значительной своей статье «Беллетристы последнего времени» («Вестник Европы», № 12) он рассматривал жанровое разнообразие чеховского творчества, жанровую систему и её эволюцию, подхваченную многими его писателями-современниками (от сценки-анекдота до рассказа и большой повести). «Не в объёме рассказов Чехова нужно искать разгадку тому, что о них мало говорили наши журналы и газеты, – веско считает Арсеньев. – Ещё меньше это зависит от места первоначального их напечатания. Появляясь в газете, мало читаемой или просматриваемой второпях, случайный отдельный очерк рискует, иногда, остаться мало замеченным или недостаточно оценённым; но для целого ряда очерков, сколько-нибудь талантливых, этот риск весьма невелик, особенно если газета принадлежит к числу больших и распространённых. Он исчезает совершенно, как только очерки соединяются в книгу, для читателей которой совершенно безразлично её происхождение» (5, 45-46).

Акцентируя внимание на том, что «никак нельзя согласиться ни с теми, кто отрицает развитие дарования г-на Чехова и готов видеть в последних его произведениях начало конца, ни с теми, кто одинаково восхищается всем вышедшим из-под его пера», Арсеньев имел в виду чеховские сборники «Пёстрые рассказы» и «В сумерки». Он высказал свой взгляд на рассказы, включенные в эти сборники, и заключил, что талант Чехова «не подлежит, в наших глазах, никакому сомнению» (5, 54). И это было сказано уже тогда, когда творческий путь многих молодых писателей еще только определялся. Дебютировав не-

большими рассказами, достигнув известного мастерства, они все переходили на новую дорогу, только «временами возвращаясь к прежней».

Создаётся впечатление, что у Чехова «не было сколько-нибудь ярких литературных ровесников: всё сколько-нибудь ценное в литературе или гораздо старше его, или развернулось значительно позже», – писал Михайловский в статье «Кое-что о Чехове» (впервые – «Русское богатство». 1900. № 4). Он выразил чёткую позицию и своё отношение к нему: «...г. Чехов начал свою литературную деятельность в необыкновенно трудное для начинающего писателя время... таланты, вероятно, рождались – почему бы им не родиться? – но они быстро глохли, затеривались, задыхались в этой серой плоскости, как чахнут и сохнут растения при недостаточности света и влаги. Г-н Чехов уцелел, хотя долго расплачивался за грехи общества» [10, с. 523]. Поэтому споры, разгоревшиеся вокруг писателей-беллетристов 80-х годов, заслуживают самого пристального внимания в связи с поставленной нами задачей.

Прежде всего, спор в критике по поводу творчества Чехова и его соратников по перу в 1890-1900-е годы со всей очевидностью доказывает, что его имя как писателя было в центре внимания всей русской общественности. Об органичной связи художника с данным периодом «следует судить по той привязанности к дню сегодняшнему, который он описывал, как никто из современных ему писателей, со всей широтой и объективной мудростью» [7, с. 749].

Как отметил в начале XX века Пл. Н. Краснов, «особенно пленяет в г-не Чехове его самобытность и оригинальность. Он не похож ни на одного другого писателя», в русской литературе г-н Чехов стоит совершенно особым...» (5, 255). И вместе с тем, он относит Чехова к натуралистической школе с Л. Толстым во главе.

О литературе «чеховского» направления писали малоизвестные сегодня критики и публицисты, однако имевшие значительный вес в журналистике указанного периода. Так,

в письме Суворину от 24 февраля 1893 года Чехов не очень лестно отозвался о критике «Русской мысли» Протопопове, которого он недолюбливал за резкие порой оценки его рассказов. «Это рассуждающий, тянущий жилы из своего мозга, иногда справедливый, но сухой и бессердечный человек, – отмечал Чехов. – Лично я с ним не знаком и никогда его не видел; он обо мне писал часто, но я ни разу не читал. Я не журналист: у меня физическое отвращение к брани, направленной к кому бы то ни было; говорю – физическое, потому что после чтения Протопопова, Жителя (псевдоним реакционного публициста Дьякова. – А. Н.), Буренина (фельетонист «Нового времени. – А. Н.) и прочих судей человечества у меня всегда остаётся во рту вкус ржавчины, и день мой бывает испорчен. Мне просто больно. Стасов обозвал Жителя клопом; но за что Житель обругал Антокольского? Ведь это не критика, не мировоззрение, а ненависть, животная, ненасытная злоба. Зачем Скабичевский ругается? Зачем этот тон, точно судят они не о художниках и писателях, а об арестантах? Я не могу и не могу» (П 5, 173).

В письмах М.В. Киселёвой, которую Чехов считал «самой лучшей детской писательницей», встречаем подобные рассуждения о литературе и критиках. «Каждую критическую статью, даже ругательно-несправедливую, обыкновенно встречают молчаливым поклоном – таков литературный этикет... Отвечать не принято, и всех отвечающих справедливо упрекают в чрезмерном самолюбии»; «Прежде всего, я так же, как и Вы, не люблю литературы того направления, о котором у нас с Вами идёт речь. Как читатель и обыватель я охотно сторонюсь от неё, но если Вы спросите моего честного и искреннего мнения о ней, то я скажу, что вопрос о её праве на существование ещё открыт и не решён никем... У меня, и у Вас, и у критиков всего мира нет никаких прочных данных, чтобы иметь право отрицать эту литературу»; «Литераторы – сыны века своего, а потому, как и вся прочая публика, должны подчиняться внешним условиям общежития. Так, они должны быть

безусловно приличны. Только это мы и имеем право требовать от реалистов»; «Плачевна была бы судьба литературы (большой и мелкой), если бы её отдали на произвол личных взглядов. Это раз. Во-вторых, нет той полиции, которая считала бы себя компетентной в делах литературы. Я согласен, без обуздывания и палки нельзя, ибо и в литературу заползают шулера, но как ни думайте, лучшей полиции не изобретёте для литературы, как критика и собственная совесть авторов. Ведь с сотворения мира изобретают, но ничего лучшего не изобрели...» (14 января 1887 г.; П 2, 11-12). «Рецензии о себе я читаю почти ежедневно и привык к ним, как Вы, должно быть, уже привыкли к шуму дождя» (28 сентября 1887 г.; П 2, 121-122).

Помогая писательнице советами и рекомендациями, Чехов настоятельно рекомендовал ей продолжать писать: «Я рад за «Ларьку»... Следующий рассказ готовьте к марту, не стесняясь размером, но возможно короче. Теперь уж Ваше дело в шляпе и насчёт «Родника» можете быть покойны... Не забудьте: «Родник» не минует критикой. Это привилегированный журнал, не чета «Детскому отдыху» (6 января 1888 г.; П 2, 168-169).

Одновременно Чехов, будучи внимательным и тонким критиком и читателем, больше излагает свои «полемические и иронические» мысли в частной переписке и в личных беседах, хваля или ругая публицистов, нежели отвечая на ту или иную «ругательную» рецензию. Но он так и не нашёл «своего» критика среди современников.

27 октября 1887 года в письме Н.М. Ежову, молодому литератору, сотруднику юмористических журналов и фельетонисту «Нового времени», пользовавшемуся его вниманием и покровительством, Чехов рекомендовал писать как можно больше и не лениться. «Вы «начинающий» в полном смысле этого слова и не должны под страхом смертной казни забывать, что каждая строка в настоящем составляет капитал будущего. Если теперь не будете приучать свою руку и свой мозг к дисциплине и форсированному маршу, если не будете спешить и подструивать себя, то

через 3-4 года будет уже поздно. Я думаю, что Вам и Грузинскому следует ежедневно и по долгу гонять себя на корде. Вы оба мало работаете. Надо лупить во всю, направо и налево. Никак не уломаю Грузинского написать субботник! (газета, выходящая по субботам. – А. Н.). Вашу милость тоже никак не убедишь посылать рассказы в «Осколки» непременно к каждому №. Чего Вы оба ждёте, я решительно не понимаю. При скупой и робкой, нерешительной работе Вы дождётесь кукиша с маслом, т. е. испишетесь не писавши...» (П 2, 139).

Адресатами Чехова были также И. Леонтьев (Щеглов), К. Баранцевич, И. Потапенко и другие, но выделил писатель среди них «милого Жана», считая его «величиной». «Вы, не говоря уж о таланте, разнообразны, как актёр старой школы, играющий одинаково хорошо и в трагедии, и в водевиле, и в оперетке, в мелодраме», – писал он Леонтьеву (Щеглову) 22 февраля 1888 года. – «Это разнообразие, которого нет ни у Альбова, ни у Баранцевича, ни Ясинского, ни даже у Короленко, может служить симптомом не распушенности, как думают иные критики, а внутреннего богатства. Салютую Вам от души!» (П 2, 205).

Постепенно обрисовывается круг молодых беллетристов, с которыми Чехов ведёт постоянную переписку и которые всё больше и больше прислушиваются к мудрым советам своего учителя-наставника. Определяя свою творческую позицию в конце 80-х годов как общедемократическую, просветительскую, Чехов напишет об окружавшей его литературной среде в письме Суворину от 3 апреля 1888 года: «Из писателей последнего времени для меня имеют цену только Гаршин, Короленко, Щеглов и Маслов. Всё это очень хорошие и не узкие люди. Ясинский непонятен (это или добросовестный мусорщик, или же умный пройдоха), Альбов и Баранцевич наблюдают жизнь в потёмках и сырости водосточных труб, все же остальные бездарны и сунулись в литературу только потому, что литература представляет собой широкое поприще для подхалимства, лёгкого заработка и лени» (П 2, 230). Чехов, как видим, очер-

тил тот круг писателей, кого он принимал, а кого нет, к кому проявлял свои симпатии либо антипатию.

Через год Чехов вновь вернётся к этой мысли и убедительно выскажется в адрес своего, как он называет уже «нашего», поколения писателей в письме В.А. Тихонову: «Я, вопреки Вагнеру, верую в то, что каждый из нас в отдельности не будет ни «слоном среди нас» и ни каким-либо другим зверем и что мы можем взять усилиями целого поколения, не иначе. Всех нас будут звать не Чехов, не Тихонов, не Короленко, не Щеглов, не Баранцевич, не Бежецкий, а «восемьдесятые годы» или «конец XIX столетия». Некоторым образом, артель» (П 3, 174).

О литераторах чеховской эпохи мы находим интересные сведения в ряде статей известного на рубеже веков журналиста, литературного критика и публициста М.О. Меньшикова. Его работы, посвящённые личности Чехова, одновременно были полемически направлены против либерально-консервативных критиков, не понимавших особенностей его таланта и не сумевших в своё время оценить творчество многих русских писателей-беллетристов 80-90-х годов. Его суждения, наиболее полно отражавшие сложный и противоречивый пафос 90-х годов, раскрыты нами ранее в статье «М.О. Меньшиков о литературе и писателях 1890-х годов (из наследия критика)». Оценки, данные критиком, глубже раскрывают ту духовно-нравственную атмосферу, в которой приходилось творить Чехову и его соратникам. Подчеркнём еще раз очень важную мысль, что Меньшиков одним из первых обратил внимание на творческую молодёжь 80-90-х годов и выделил из этой «плеяды» талантливого, неповторимого, сверкающего всеми красками поэзии «корифея молодой беллетристики» – Чехова [12, с. 157].

Таким образом, заключая разговор о спорах, которые вела дореволюционная критика по поводу появления молодого поколения писателей, скажем, что в данный период в литературе начала создаваться чеховская школа. Исторически сложившееся в конце XIX

века разделение русской литературы на два течения («школа Чернышевского» и «школа С.-Щедрина») остаётся весьма ощутимым, тем не менее, уже в 80-е годы это разделение начинает стираться. Несмотря на следы пессимизма и разочарования в «эпоху безвременья», писатели-демократы обратили своё внимание к проблеме положительного героя (нужен был уже «герой своего времени»), к процессу нравственного возрождения личности, отстаивая в своих произведениях, по словам Б.П. Катаева, «законность человеческого стремления к полноте физического и духовного существования» [4, с. 69].

Наконец, принимая точку зрения Б.П. Катаева о «литературных спутниках» Чехова, отметим, что беллетристы связаны, прежде всего, с именем Чехова, с его творчеством. Их объединяли одни жанры, ситуации, типы героев, помогающие конкретнее представить литературную эпоху того времени и творческие личности каждого из них. Констатируя, что достижения Чехова-писателя, его эстетическая программа легли в основу многих произведений талантливой молодёжи, мы выделяем третье течение – «писатели-восемидесятники». Взгляды некоторых во многом формировались под непосредственным влиянием Чехова в новую эпоху, в новых исторических условиях развития России. Поэтому поиски «героев времени», сюжетов, жанров, новой манеры разговора с читателем, отразившиеся в творчестве целого литературного поколения 80-90-х годов, позволили нам объединить их в «литературную школу Чехова», или «артель». Это – «тот литературный поток, над которым возвышается как вершина чеховское творчество» [4, с. 7].

Не претендуя на исчерпывающие пока сведения о литературных связях Чехова с беллетристами-современниками в данной статье, считаем, что у нас есть та огромная литература «второстепенных», которую нам предстоит ещё изучить.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Бердников Г.А. А.П. Чехов. Идеи и творческие искания. – М., 1984. – 511 с.
2. Гречнев В.Я. Русский рассказ конца XIX-XX века. – М., 1979. – 208 с.
3. Есин Б.И. Чехов-журналист. – М.: МГУ, 1977. – 103 с.
4. Катаев Б.П. Чехов и его литературное окружение (80-е годы XIX века) // Спутники Чехова / Под ред. Б.П. Катаева. – М.: МГУ, 1982. – 480 с.
5. Кинг В.Н. Беседы о литературе // Творчество А.П. Чехова в русской мысли конца XIX – начала XX века (1887-1914). Антология. – СПб., 2002. – С. 93-117. Далее в круглых скобках указаны страницы цитируемых текстов критиков по этому изданию.
6. Короленко В.Г. А.П. Чехов // А.П. Чехов в воспоминаниях современников. – М., 1986. – С. 34-46.
7. Кулешов В.И. А.П. Чехов // История русской литературы XIX века / под ред. В.И. Кулешова. – М., 2004. – С. 749-783.
8. Протопопов М.А. Письма о литературе / Русская мысль, 1892. – № 2. П. XIX. – С. 199-215.
9. Ланцева Н.В. В.С. Соловьёв и Д.С. Мережковский: обвинитель и защитник // Русский язык и литература в средних учебных заведениях УССР, 1990. – № 12. – С. 49-53.
10. Михайловский Н.К. Литературная критика: Статьи о русской литературе XIX – начала XX века. – Л., 1989. – 608 с.
11. Новикова А.А. Н. Михайловский о прозе А.П. Чехова 80-х годов // Поэтика русской и зарубежной прозы. Материалы международной научной конференции. – Южно-Сахалинск: СахГУ, 2001. – С. 21-23.
12. Новикова А.А. М. Меньшиков о литературе и писателях 1890-х годов (из наследия критика) / Вестник МГОУ. Серия «Русская филология». – М., 2009. – № 4. – С. 153-158.
13. См.: Антон Чехов и его критик Михаил Меньшиков: Переписка. Дневники. Воспоминания. Статьи / сост., статьи, подготовка текстов, примеч. А.С. Мелковой. – М., 2005. – С. 480.
14. Созерцатель. Новый поворот в идеях нашей беллетристики / Русское богатство, 1890. – № 1. – С. 95-112.
15. Сухих И.Н. Сказавшие «Э!». Современники читают Чехова // Pro et Contra. Творчество А.П. Чехова в русской мысли конца XIX-начала XX века (1887-1914). Антология. – СПб., 2002. – С. 7-44.
16. Чехов А.П. Полн. собр. соч. и писем: В 30 тт. Письма: В 12 тт. – Т. 5. – М., 1977. – С. 678. Далее в круглых скобках указаны том и страницы писем.